

Е. Маркасова

«ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ» И «ДВА КАПИТАНА»: ЗНАЕМ ЛИ МЫ, О ЧЕМ НЕ ЗНАЮТ ДЕТИ?

Многие слова и реалии советского прошлого, упоминающиеся в детской литературе, непонятны сейчас детям 9–12 лет. Статья посвящена проблеме выявления «непонятных слов», нуждающихся в комментировании. Утрата устаревающих слов интерпретируется в контексте современных процессов архаизации и деархаизации лексики.

Ключевые слова: Советизм, архаизация, деархаизация, апперцепция, история школы, речевое доминирование

Совсем недавно мы хорошо представляли, какие слова могут быть непонятны ребенку, читающему книжку. Предполагалось, что есть «серьезные» книжки, которые нужно читать со словарями и авторитетными научными комментариями (например, Пушкин или Гоголь), и остальные авторы, которых можно просто читать. К «остальным» относились, за редким исключением, почти все советские писатели.

В чтении современного школьника произошли большие перемены¹. Оказалось, что книги, которые его родители считали развлечением, читать трудно, а понять иногда и вовсе невозможно. Причем родители не всегда могут предугадать, какого рода комментарии будут нужны ребенку. Например, как можно объяснить, что геологическая партия делает зимой в тайге, когда экспедиций не бывает («Чук и Гек», А. П. Гайдар)? Еще интересный вопрос: почему в записке Тимура сказано: «Девочка, ничего не бойся»? А чего должна была бояться девочка? («Тимур и его команда», А. П. Гайдар). Почему французская армия «сражалась одна против всего мира»? («Судьба барабанщика», А. П. Гайдар). Дискуссии, касающиеся советской истории, затруднены непониманием школьниками хронологически отмеченной лексики [Стексова 2008, Дудко 2010]. При общем стереотипе — «образованный человек должен хорошо знать историю» — относительно советской истории мнения разделились. С одной стороны, советская история — тоже история, с другой

стороны — как хорошо, что мой ребенок не опознает Ленина и не помнит, в каком веке жил Солженицын.

Проблему непонимания детьми советского можно рассмотреть на фоне двух живых языковых процессов, не имеющих прямого отношения к восприятию детской литературы. Это, во-первых, процесс архаизации (и деархаизации) лексики [Ермакова 2000, Лесных 2002, Каданцева 2007] и, во-вторых, процесс распространения «вежливых» форм доминирования в живом общении [Ратмайр 2009]. Однако не будем опережать события и остановимся на описании материала.

Работа по изучению «непонятных» слов была условно разделена на две экспериментальные части. Первый эксперимент основывался на «двойном» (детском и взрослом) прочтении рассказов В. Ю. Драгунского «Дымка и Антон», «Он живой и светится», «Заколдованная буква», «Англичанин Павля», «Друг детства», «Что я люблю?», «Одна капля убивает лошадь», «Слава Ивана Козловского»². Исходный список «непонятных слов» составляли ученики 6 класса. Чтобы выбрать «непонятные слова», дети перечитали рассказы вместе (во время занятий кружка) и индивидуально, затем создали список слов, смысл которых оказался им не вполне понятен, затем обсуждали слова с учителем начальных классов. Таким образом мы получили информацию о том, чего не понимает в рассказах Драгунского шестиклассник, что, по мнению учителя, может не понимать третьеклассник и, наконец, — уже после опроса — что же на самом деле не понимает третьеклассник.

Чтобы увеличить в нашем материале количество слов, известных детям мы по совету учителей включили в список слов «ластик». Посмотрев на черновой список слов, именно учителя обратили наше внимание на то, что дети должны увидеть в списке что-то хорошо знакомое, иначе они будут расстроены количеством того, что они не смогут объяснить.

В опросе приняли участие 65 третьеклассников (в возрасте 9–10 лет), было получено всего 1863 ответа. В опросных листах приводилась цитата из рассказа Драгунского, слова для интерпретации были выделены курсивом. Например:

А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке... («Друг детства»)

Песня гражданской войны «Веди ж, Буденный, нас смелее в бой». («Слава Ивана Козловского»)

А у нас жила собака Дымка. У нее хвост загнутый и лохматый, и на ногах шерстяные галифе. («Дымка и Антон»)

Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и *картуз*... («Друг детства»)

Результаты работы были описаны в [Бельшева, Клюшин, Маркасова 2013]. В список «непонятных» слов попали *фуражка*, *картуз*, *галифе*, *лапта*, *волчок*, *Гватемала*, *Барбадос*, *папиросы*, *портсигар*, *утиль*, *челнок*, *зельц*, *домоуправление*. Оказалось, что детям неизвестно, кто такие *Лобачевский*, *Менделеев*, *Суриков*, *Кольцов*, *красные кавалеристы*, *Буденный*, *Иван Козловский*. В этом для нас не было ничего неожиданного.

В хронологически отмеченной лексике, представленной в текстах детской литературы выделяются следующие лексические пласты: абстрактная лексика, обозначающая идеологические понятия (идеологемы), конкретно-предметная лексика, представляющая бытовые реалии советского времени (реалии быта), эмотивная лексика, менявшаяся с течением времени коннотации на нейтральные или противоположные исконным [Дудко 2010].

Поскольку нам была известна работа Е. С. Дудко, мы сравнили наши результаты с описанными ею и пришли к выводу о том, что в получившихся списках агнонимов у нас есть много общего, но есть и кое-что новое. В словник Е. С. Дудко вошли названия почтовых марок (*Гватемала* и *Барбадос*), *красные (кавалеристы)*, есть словосочетание *сдать в утиль*. Однако именно благодаря участию детей в формировании гипотетически непонятных слов мы включили в работу слова, не рассматривавшиеся в диссертации Е. С. Дудко: *волчок*, *галифе*, *зельц*, *лапта*, *невидадь*, *портсигар*, *сподручный*, *утлый*, *фуражка*, *челнок*.

Отметим множество смешных ответов³:

фуражка — это рубашка, футболка, головной убор у знатных людей, головной убор у полицейского;

картуз — телевизор маленький, колготки, пиджак, портфель, рюкзак, рубашка, сумка, бабочка, бантик;

зельц — что-то зеленое, зелье;

утлый — душный, скучный, старый, усталый, темный, блеклый, грустный, унылый;

утиль — такая ткань, значит много, много игрушек, красивое;

до смерти хотелось — хотелось что-то до того, как умрешь, пока смерть не пришла, когда станешь взрослым;

красные кавалеристы — военные в красной форме, спортсмены, русские наездники;

Менделеев — преступник Леонид Менделеев;

челнок — самолет, тонкая такая палка, космический корабль, такая машина, лодка не для людей, мешок, носок, туда к примеру что-то ложат, чемоданчик маленький, человек-спекулянт.

галифе — пятна, бахилы для собак, тапочки, носочки, шерстяная обувь, волосы на коленках, прическа типа косички;

портсигар — специальная вазочка для цветов, коробка, коробка для маленьких сигарет, военный, капитан;

папиросы — сигареты, только большие.

Буденный — будний, возбужденный, бодрый.

Есть толкования, частично мотивированные созвучием с другими словами: *зельц* — зеленое, *утиль* — ткань (видимо, на основе созвучия с *тюлем* и *текстилем*). *Преступник Леонид Менделеев*, вероятно, обязан своим появлением Леньке Пантелееву: *Менделеев* — Пантелеев (по созвучию) + имя и характеристика («малолетний преступник, беспризорник»).

В детских толкованиях отражается вторжение новой действительности в сферу представлений о прошлом. Отсюда детские интерпретации, обусловленные знанием современных реалий или своеобразием их восприятия в той социальной среде, к которой принадлежит ребенок. Например, *фуражка* не может привлечь внимание современного школьника не только потому, что дети не носят *фуражку*, но и потому, что утрачено представление о престижности профессии, с которой *фуражка* связана. *Зельц* куда не исчез, он продается в магазинах, но вряд ли есть семьи, где это мясной продукт, который стоит от 90 до 500 рублей за килограмм, принято есть очень часто. Уходят в прошлое *папиросы*, приходят угольные фильтры и электронные сигареты. Понятно, что понятие «маленькие сигареты», используемое ребенком для описания *портсигара* восходит не к тексту Драгунского, а к современному облику «дамских» сигарет. Можно ли понять, что же Дениска сделал с *папиросами* в рассказе «Капля никотина убивает лошадь», если *портсигар* превратился в *вазочку*?

Галифе в рассказе «Дымка и Антон» естественным образом связаны с собаками. Это обусловлено не только содержанием рассказа В. Драгунского «Дымка и Антон», но и отсутствием в окружающем мире военных в *галифе*. Дети еще малы для того, чтобы интересоваться брюками *галифе*, историей военной формы, ранением генерала *Галифе* или думать о бедрах-*галифе*, но зато очень наблюдательны. Они видят, как взрослые хозяева озабочены внешним видом своих собак, поэтому логично увидеть в описании *Дымки «тапочки для собак»*. Это ближе к реальности, чем выявление метафорического значения *галифе*.

В разнообразии детских комментариев к слову *челнок* отражается все богатство лексического значения этого слова: это и *лодка*,

и *космический корабль*, и даже *машина*, но отметим одно — редкое, исключительное для этого возраста толкование — *человек-спекулянт*. Это понятие из сленга 1990-х гг., когда челноками называли людей, закупающих товар там, где он дешевле, чтобы продать его там, где его можно продать дорого.

В приведенных ниже диаграммах⁴ обобщены результаты эксперимента. Первое число обозначает абсолютное количество ответов, через запятую даны проценты. На диаграмме 1 видно, что мы получили только 31 % правильных ответов. На диаграмме 2 показано, как распределяются толкования слов. Высокий процент правильных интерпретаций слов *домоуправление* и *волчок* обусловлен разными причинами: в первом случае возможность истолкования заложена в самом слове, во втором, видимо, сказалось влияние старших.

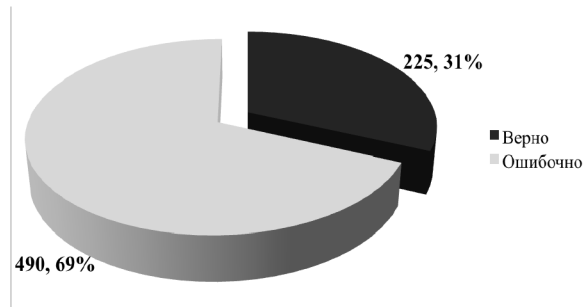

Диаграмма 1. Статистика правильно и неверно истолкованных слов из группы «Быт» (исключая слово *ластик*)

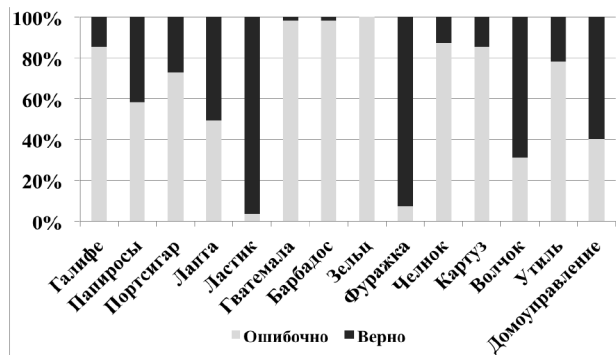

Диаграмма 2. Истолкованные опрошенными слова из группы «Быт»

В толковании слов из группы «Исторические личности и события» для нас не было ничего непредсказуемого. На диаграмме 3

видно, что здесь процент неправильных ответов выше, чем в предыдущей группе.

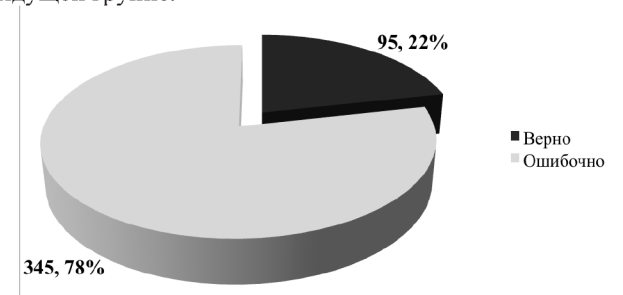

Диаграмма 3. Общая статистика правильно и неверно истолкованных слов из группы «Исторические личности и события»

Диаграмма 4 показывает, как велико количество неизвестного в этой группе слов. «Знакомым» персонажем для третьеклассников оказался Д. И. Менделеев, а «пострадали» от детского непонимания Иван Козловский, Буденный, Суриков, Кольцов. И этот факт заставляет задуматься о том, как же дети поняли рассказ «Слава Ивана Козловского», если знаменитый тенор для них — «богатырь, царь, принц, великий человек».

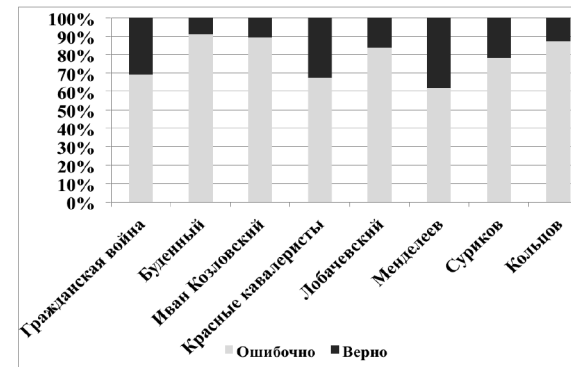

Диаграмма 4. Истолкованные слов из группы «Исторические личности и события»

Заслуживает отдельного комментария *Гражданская война*: всего 8 % правильно назвали век и страну, 23 % — страну, а 69 % не смогли сказать, о какой войне идет речь, где и когда она была.

Неожиданностью для нас оказалась группа слов, которые не объединены по значению и не могут пока быть классифицирова-

ны: *невидаль, сподручней, до смерти хотелось, углый*. Формально общая статистика правильных и неверных ответов на вопросы о словах из «безымянной» группы выглядит более оптимистично: 47 % правильных ответов, 53 % — неправильных.

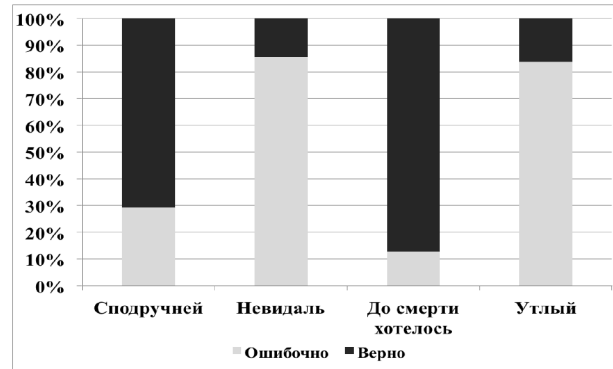

Диаграмма 5. Истолкованные слова из «безымянной» группы.

Назвать эти слова архаизмами или историзмами невозможно, считать их «уходящей» лексикой трудно. Если включать их в комментарий к текстам, то непонятно, как создавать их предварительный список. Вероятно, именно этот тип «непонятных слов» в большей мере говорит о «провале коммуникации» между поколениями, чем представление детей о том, что Менделеев — это *преступник Леонид Менделеев*. Из приведенных примеров следует, что кроме советизмов из читательского кругозора стремительно уходит пласт лексики, не имевший никакого отношения к советской власти: изменилась реальность, требующая от школьника другого бэкграунда. Комментирование архаизмов, историзмов и советизмов как их разновидности имеет уже сложившуюся традицию, а попытки комментировать лексику из нашей «безымянной» группы напоминают охоту на привидений: то ли они есть, то ли их нет. Отмечу, что мы включили эти слова в список «непонятных» по совету школьников.

Вторая часть эксперимента была построена на материале романа В. Каверина «Два капитана». Список «непонятных слов» составляли взрослые люди⁵. Когда список был составлен, мы увидели, что он почти на сто процентов состоит из историзмов и архаизмов. Опрос проводился в 6 классе.

буржуй — дворник, рабы, которые работают на хозяев, рабочие, такой народ, чиновники, богатый человек причинный к советской власти;

буржуйка — жена буржуя, дом для буржуя, печка для буржуя на лестнице;

розвальни — завал, бурелом, что-то старое, развалившееся, обломки от чего-либо, дед мороз;

спекулянты — воры, бандиты, маньяки, болевшие, это полицейские, только их раньше называли спекулянтами.

студень — наверное, это монета, но я не жила в средневековье, я не знаю, еда на Руси, два куска денег, хлеб, пирог, мясо, похожее на холодец.

Слова, которые означают абстрактные понятия, были нами проигнорированы, точнее, мы думаем, что дети их знают, и не можем предполагать, чего они не знают. В жизни это иногда выясняется случайно. Как-то я предложила девочке выпить чаю: «Вы любите вприкуску или внакладку?». Девочка покраснела и сказала, что она не очень хочет пить. Когда мы стали обсуждать лексические значения этих слов, покраснеть пришлось мне. Оказывается, девочка думала, что «вприкуску» — это чай с чем-то сытным (не только попить, но и поесть), а «внакладку» — это в таком количестве, что хозяйке уже накладно. Представьте, каким иезуитом выглядит хозяйка дома: «Вы чай пейте, но так, чтобы я не разорилась!»

Все, что связано с историей языка, священно. Ланиты, вяя, херувимы, полтретья, плюсквамперфект — волшебные слова. Поскольку эксклюзивные знания о прошлом всегда были элементом элитарной культуры, мы наблюдаем, как в наше время активизируются интерпретации советского и как они снова внедряются в апперцепционную базу школьника. Это заметно в заданиях олимпиад для школьников, это отражается в неофициальной иерархии филологических дисциплин, это сказывается даже в межличностных отношениях, в системах выстраивания интеллектуальных иерархий.

Все архаичное достойно внимания гуманитария, поэтому советская эпоха тоже достойна описаний и комментариев. Знание советского прошлого тоже переходит в разряд элитарного. Судя по количеству словарей, справочников и энциклопедий, отражающих историю советского прошлого, в России язык советского периода интересует практически всех [Кобрин 2005, Лебина 2006, Сапожникова 2006]. Неважно, с какими источниками работает автор, неважно, что это не описание лексики, а описание жизненного опыта и личных эмоций⁶. Важно, что каждый ощущает себя ретранслятором ценной информации, причастным к истории, а собственный статус очевидца дает ему право формировать словник так, как он считает нужным. Например, что-то можно вычеркнуть:

Роясь во всей этой куче барахла двадцатипятилетней давности, я никак не могу обнаружить ничего (или почти ничего), связанного со школой. <...> Мне кажется, что ее и не было — школы; был только вечно сосущий, подлый гнет неизбежной скуки и унижения: пионерские линейки, химия с математикой, галстуки, уборка территории, мокрые носки после лыж, обреченное ожидание деда с родительского собрания. Пользуясь властью историка, я исключаю «школу», как «слово» и «вещь», из эпистемы моего позднесоветского детства [Кобрин 2005, с. 217].

Еще в начале 1990-х в дискуссии «Уроки словесности» Александр Чудаков высказался так:

В нашем образовании много недостатков. Но едва ли не главный - единство программ, и не только по литературе. Я бы сказал, общность апперцепционных масс — у всего поколения. Обратите внимание — в компаниях людей говорят одними и теми же цитатами: они читали одни и те же книги. Сейчас в молодом поколении картина начинает меняться, но в этом заслуга не школы, а общей атмосферы эпохи. Я, например, недавно в одной компании в большой радости увидел, что, когда кто-то из старших процитировал «близнецы-братья», восемнадцати-двадцатилетние не поняли, о чем речь (Лит. газета. 1993. 20 янв. С. 7).

Самонаблюдение, включающее нас в контекст истории русского языка, заставляет нас видеть в описанной ситуации не только яркое доказательство тезиса «Дети плохо знают советское прошлое». «Общность апперцепционных масс» утрачена, наши «цитаты постарели»⁷, но мы являемся очевидцами живого процесса включения советизмов в сферу элитарного знания и, следовательно, в систему средств речевого доминирования. Исключительность знания переживается как основание для осознания взрослыми своего статуса как высокого. Популярность многих элементов этих коммуникативных сценариев в современном обществе обусловлена и спецификой постперестроечной языковой ситуации, и культурным шлейфом отношения к «старине», и распространенными в обществе моделями речевого доминирования. Когда происходит разрушение общей межпоколенческой апперцепционной базы, полем для дискуссий становится оценка «потерь» и «приобретений».

Примечания

¹ Мы благодарим наших коллег Т. В. Клубкову (СПбГУ), М. Б. Елисееву (РГПУ), Т. А. Крулякову (РГПУ), С. Д. Друговойко-Должанскую (СПбГУ) и Н. Э. Фаликову (ПетрГУ) за участие в обсуждении этой проблематики.

² Перечень рассказов составлен с учетом обязательной школьной программы.

³ Мы очень лояльно относились к оценке детских работ. Например, считали достаточным толкования *волчок* — *игрушка*, *Лобачевский* — *ученый*, *Иван Козловский* — *человек искусства*, *папирсы* — *то, что курят*. В двух абсолютно безупречных работах, написанных эрудированными детьми, все было объяснено идеально.

⁴ Все диаграммы созданы П. В. Ключиным. Они вошли в нашу совместную работу 2013 г.

⁵ Мы благодарны студентке филологического факультета О. Коваленко, позволившей нам использовать в статье эту информацию.

⁶ О таком отношении к жанру словаря пишет М. А. Кронгауз [Кронгауз 2007].

⁷ Это говорение цитатами, как и их устаревание — естественный процесс, отмечавшийся не только лингвистами. См., напр.: «— Даром денег не платят. — Трудно свой хлеб добывал человек, — сказал Длинный. *Он любил цитаты. Они все* — и Длинный, и Женька, и Толька Гудков, и Валерка — *охотно острили цитатами. Только со временем цитаты у них постарели — сколько лет я знаю этих ребят, а цитаты у них почти не меняются* [курсив мой. — Е. М.]» (Виталий Семин. Семеро в одном доме (1965). URL: http://www.belousenko.com/books/semin/semin_semero.htm). Мы признательны Т. В. Клубковой за совет обратиться к этому тексту.

Литература

- Бельшева Ю. С., Ключин П. В., Маркасова Е. В. 2013. «Непонятные слова» в рассказах В. Ю. Драгунского // Проблемы онтолингвистики — 2013: материалы международной научной конференции 26–29 июня, Санкт-Петербург: СПб: РГПУ им. Герцена, 2013.
- Дудко Е. С. Хронологически отмеченная лексика в текстах детской литературы XX века: проблемы динамики лексикона: дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2010.
- Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000.
- Каданцева Е. Е. Явление архаизации в словарном составе современного русского языка (по изданиям «Словаря русского языка» С. И. Ожегова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Кобрин К. Слова и вещи позднесоветского детства // Логос. 2005. № 5. С. 211–217.
- Кронгауз М. Лексикографический невроз или словарь как средство поговорить [Электронный ресурс] // Новый мир. 2007. №6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/6/kr11.html
- Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры символы, знаки. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.
- Лесных Е. В. Архаизация лексики русского языка XX века: дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2002.
- Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 4-е изд. М., 2006.
- Сапожникова И. Н. Глазами школьницы — из середины прошлого века. М.: Издательство им. Сабашиных, 2006.
- Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М.: «Материк». 2002. 600 с.
- Стексова Т. И. Примечание, комментарий, интерпретация: попытка разграничения понятий // Комментарий и интерпретация текста: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 14–23.